

УДК 82-31 И. Рам

UDC 82-31 И. Рам

ФЕНОМЕН МОЛЧАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА РОМАНА ИТАФ РАМ «ЖЕНЩИНА – НЕ МУЖЧИНА»

THE PHENOMENON OF SILENCE IN THE ARTISTIC WORLDVIEW OF THE WORLD OF ETAF RUM'S NOVEL "A WOMAN IS NO MAN"

Е. В. Гранкина,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской
и зарубежной литературы Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8755-9249>*

E. Grankina,

*PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Belarusian
and Foreign Literature, Belarusian
State Pedagogical University
named after Maxim Tank
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8755-9249>*

Поступила в редакцию 19.07.2024.

Received on 19.07.2024.

Дебютный роман современной американской писательницы палестинского происхождения Итаф Рам «Женщина – не мужчина» (2019) впервые становится объектом исследования в белорусском литературоведении. Оппозиция «женское / мужское» заявлена названием романа как приоритетная, однако ограничивать произведение исключительно феминистской проблематикой нельзя, так как спектр поднятых в нем проблем выходит за рамки отдельной идеологии. Молчание в художественной картине мира романа становится ключевым смыслообразующим конструктом. Оно связано не только с вопросами гендера (неравные социальные возможности женщин и мужчин), но и раскрывает специфику культурной и национальной идентичности персонажей (молчание этнического меньшинства – палестинских иммигрантов – в условиях жизни в Америке), исследует проблемы семьи, материнства. Однако высшим проявлением молчания в романе становится молчание Бога и сопряженная с этим мотивом тема богооставленности человека, что соотносит содержание романа с одним из магистральных векторов художественных поисков в мировой литературе XX–XXI вв.

Ключевые слова: молчание, гендер, семья, раса, самоидентичность, национальная идентичность, богооставленность, Итаф Рам.

The debut novel «A Woman Is No Man» (2019) by a modern Palestinian-American writer Etaf Rum for the first time becomes an object of the study in the field of Belarusian literary criticism. Female-male opposition, located in the title, is stated as a priority, but it is impossible to limit the novel to exclusively to feminist issues, as the range of problems raised in it goes beyond a separate ideology. Silence in the artistic worldview becomes the key semantic center of the novel. Silence is related to gender issues (unequal social opportunities for women and men), it reveals the specifics of the characters' cultural and national identity (the silence of an ethnic minority – Palestinian immigrants – while living in America), it explores the problems of family and motherhood. But the highest manifestation of it is the silence of God – and the theme of godforsakenness associated with this motive. This correlates the content of the novel with one of the main vectors of artistic searches in world literature of the XX–XXI centuries.

Keywords: silence, gender, family, race, self-identity, national identity, godforsakenness, Etaf Rum.

Введение. Анализ современной женской прозы, в которой выражен женский взгляд на мир, представлена картина мира в аспекте ее женской перцепции и воспроизведения, убеждает в том, что одной из ведущих художественных доминант литературы XXI в., созданной женщинами, становится феномен молчания, и в частности – женского молчания. Некоторые произведения обозначают эту доминанту уже самим названием. Примером могут служить романы Селесты Инг «Все, чего я не сказала», Кристины Далчер «Голос».

Изучение специфики реализации категории молчания в романе С. Инг «Все, чего я не сказала» (2014) дает возможность выявить глубинную проблематику произведения: расовый конфликт (молчание-страх азиата, живущего в Америке, неприятие национальным большинством меньшинства), гендерное неравенство (молчание-протест девушки-подростка, своим поведением бросающей вызов вписывающимся в формулу «дети – кухня – церковь» социальным рамкам и стереотипам восприятия женщины), кризис малого мира семьи (молчание – ширма членов семьи, нежелающих

озвучивать свои собственные желания и приоритеты, могущие разрушить картину идеальной семейной жизни). Многообразие молчания, которое становится угрозой существования не только отдельной личности, но и социума, писательница воплощает в метафорическом образе душного одеяла «густого тяжкого безмолвия» [1, с. 264].

Фабулу опубликованного в 2018 г. романа Кристины Далчер «Голос» представляет рефлексия того, к каким последствиям может привести лишение женщин права голоса как в прямом – физическом – выражении: браслеты-счетчики на их руках регулируют количество слов, сказанных женщинами в течение дня, так и в символическом: лишенные голоса, женщины стирают и свое «Я», свою идентичность [2].

Роман Шармейн Уилкерсон «Черный торт» (2022) строится как ретроспектива, открывающаяся героям во время прослушивания магнитофонных записей матери, оставленных после ее смерти. Ее монологи меняют представление героев об их семье, поскольку впервые для них создают правдивую историю жизни родителей, объясняют причины совершенных ими поступков – то, о чем ранее умалчивалось [3]¹.

Основная часть. Итаф Рам (р. 1989) – современная американская писательница палестинского происхождения. До того как иммигрировать в США, ее родители находились в лагере палестинских беженцев. Сама будущая писательница родилась и выросла в Америке, в Бруклине, но мировоззренческая парадигма Ближнего Востока, родовые традиции и социальные установки палестинцев стали частью ее жизни – частью, которой хотелось сопротивляться. И одним из артефактов такого сопротивления стал дебютный роман И. Рам «Женщина – не мужчина» (2019), написание которого автора, по ее завершающим книгу словам, вдохновили «Реяанн и Иса, мои дети. И женщины Палестины» [7, с. 367]. Данное заключение, совмещающее семейный (личный) и общественный пласты, обращает на себя внимание тем, что на уровне социокультурного контекста «вписывается» в ставшую классической для феминистского дискурса фразу К. Ханиш «личное – это политическое» [8]. Действительно, оппозиция «женское / мужское» заявлена названием романа как приоритетная, однако ограничивать произведение исключительно феминистской проблематикой нельзя, так как спектр поднятых

в нем проблем выходит далеко за рамки отдельной идеологии.

Основную часть произведения, в котором обнаруживаются автобиографические мотивы (герои романа так же, как и автор, палестинцы, живущие в Америке), предваряет вступительная глава, не имеющая ни заглавия, ни нумерации – словно нулевая. Вероятно, подобная архитекtonика произведения выбрана И. Рам не случайно. Глава представляет собой монолог героини-рассказчицы, которая сама является «нулем», «ничем», лишена голоса, имени, желаний, чувств. Объясняется это не только полем, но и культурными ориентирами, традиционалистским арабским канонам, довлеющим над героиней вне зависимости от того, в какой стране она находится. Показательно начало этого монолога: «От рождения – а родилась я холодным, пасмурным днем в Нью-Йорке, в Бруклине, – у меня не было голоса... Там, откуда я родом, безгласие – неотъемлемое свойство моего пола... Там, откуда я родом, мы приучили себя к молчанию, полагая, что оно нас спасет» [7, с. 9]. Этим местом, «откуда я родом», является Палестина.

Специфика хронотопа романа определена тем, что действие в нем расширяется и во времени (от 90-х гг. прошлого столетия до современности), и в пространстве (Палестина – США). Главы, в которых события происходят в Палестине последнего десятилетия XX в., правдиво и конденсировано передают обстановку жизни в этой стране. Так, писательница обращает внимание на вызванное арабо-израильским конфликтом общее состояние тревоги, сопровождающее жизнь палестинцев. Последствия этого военного противостояния ощутила на себе едва ли не каждая арабская семья: отца героини, «как мусор» [7, с. 228], изгнали из его родового дома, когда «Израиль вторгся в Палестину» [7, с. 13], и ему для строительства нового жилища пришлось искать другой – самый дешевый – участок земли. Во множестве палестинских городов установилась власть израильских военных, для того, чтобы попасть в подконтрольный Израилю Иерусалим, жителям Палестины приходилось не только преодолевать множество блокпостов и застав, «которые Израиль понастроил на палестинской земле, ограничив перемещение между городами и населенными пунктами, а иногда и внутри них» [7, с. 26], но иметь для въезда в город специальный разрешительный пропуск. По замечанию автора, «израильские солдаты патрулировали улицы, у каждого поперек стройного торса висела винтовка» [7, с. 27]. Очевидно, невозможно ощущать себя свободным человеком,

¹ Анализ обозначенных романов представлен в статьях [4–6].

находясь в подобных условиях – именно поэтому героиня Исра хочет уехать в другую страну, в Америку, «страну свободных людей» [7, с. 31], воспринимающуюся как место спокойствия и множества возможностей. Единственный путь для этого – выйти замуж за гражданина Америки, палестинского иммигранта, который обосновался на новом месте и получил американский паспорт.

Но не только политической свободы не хватает героине. В традиционной палестинской семье свободным себя чувствовать может только мужчина. Несколькими выразительными деталями И. Рам изображает зависимое положение женщины: от внешнего вида, когда надо скрывать себя от чужого взгляда под длинным глухим платьем и хиджабом («... она спрятала свою хрупкую фигуру под черной тобой, а... волосы прикрыла хиджабом в тон» [7, с. 13]), и поведения («...[мама] сидела как обычно: голова опущена, взгляд устремлен на красный турецкий ковер» [7, с. 17], т. е. вниз – до жизненных установок).

Главным правилом в семье является полное подчинение ребенка родителям, а жены мужу («вот бы открыть рот и сказать родителям: “Нет! Не хочу я такой жизни!” Но Исра с ранних лет усвоила, что послушание – единственный способ завоевать любовь» [7, с. 16]). При этом нарушение этого правила влечет за собой физическое насилие, избиение («Якуб в тот вечер побил ее дважды – в наказание за неповиновение» [7, с. 16]), но высказывать сопротивление, уклоняться от ударов мужа или отца для женщины недопустимо – только терпеть и молчать («Комната растворилась в белом мареве. Все предметы потеряли объем и форму. Она терпела, закрыв глаза, пока тело не одеревенело, пока не отнялись руки и ноги» [7, с. 16]). Но даже полная покорность не гарантирует женщине любви со стороны мужа, как и ей самой не обязательно его любить. Во время разговора Исры с матерью последняя говорит дочери: «Да где брак, а где любовь? Ты думаешь, мы с твоим отцом друг друга любим?.. Скоро ты поймешь, что в жизни женщины для любви места нет. Тебе только одно понадобится – терпение» [7, с. 20].

Вопросы личностного предназначения, самореализации, духовных стремлений перед палестинской женщиной не стоят, «где бы она ни жила» [7, с. 23]. Над ней всегда властвует не только мужчина, но и судьба – *насиб*, «для женщины не существует ничего, кроме ее *байт ва дар* (курсив – И. Рам) – дома и хозяйства. Брак и материнство – вот ее предназначение» [7, с. 21]. С таким материнским напутствием Исра, выйдя замуж за палестинца, живущего в США, уезжает в Америку, надеясь на жизнь

в любви, уважении, где ей не придется, как на родине, «*тихо* сидеть и ждать, когда... мужчина взвалит ее, а заодно и все обязанности по ее содержанию себе на шею» [7, с. 15], где она перестанет чувствовать себя молчаливым «нулем», ярмом, обузой, где у нее будет свой голос, потому что, по ее представлениям, «быть американкой – это иметь голос» [7, с. 114].

Однако и спустя почти двадцать лет в жизни палестинок ничего не изменилось. Прибегая к возможностям сюжетно-композиционного параллелизма, И. Рам переносит действие в 2008 г., в Бруклин. Но ситуация, положившая начало романному действию, остается прежней: теперь уже рожденная в США Дейа, дочь Исры, достигнув восемнадцатилетия, поставлена перед необходимостью выйти замуж за едва знакомого человека, поскольку, по мнению родственников, «хватит уже откладывать то, чему ей предстоит посвятить жизнь: замужество, детей, семью» [7, с. 35] – это, в их традиционном понимании, и означало «стать женщиной».

Героиня по-прежнему лишена свободы, бесчисленное количество возможностей, которые дарует Америка, остается только в ее вымышленной, идеальной истории жизни, где она обладает голосом, слышима и видима окружающим, и может «решать сама за себя» [7, с. 37].

Так в романе постепенно создается образ палестинской женщины («где бы она ни жила»), конструктивными характеристиками которой является ее безмолвие и невидимость.

Отметим, что феномен невидимости личности – будь то женщина или мужчина, выходец из Америки или представитель другого этноса – в литературе США появляется и в произведениях «коренных» американцев, и в произведениях писателей, обладающих кросс-культурной национальной идентичностью, таких как С. Инг, Ш. Уилкерсон, И. Рам. Так, еще в 1952 г. выходит роман Р. Эллисона «Невидимый человек» («Invisible Man»), повествующий о поисках неназванного – безымянного – героя своего «места под солнцем», поэтический сборник классика американской литературы Дж. К. Оутс получил название «Невидимая женщина» («Invisible Woman»). Персонажи, чья личность, жизнь, история настолько «другие» по отношению к обществу, настолько далеки от социокультурной реальности, в которую они погружены, что по праву могут называться людьми-невидимками, в литературе США уже стали традиционными. В романе Ч. Н. Адичи «Американха», рассказывающем о нигерийцах, в поисках благополучной жизни покинувших Лагос и уехавших в Америку и страны Европы, появляется выра-

зительный образ героя, который в новых условиях чувствует себя «стертым карандашным наброском» [9, с. 341]. Причины этой невидимости кроются не только в экзистенциальной заданности бытия, в котором наличествует бинарная оппозиция «Я / Другой», но и в том, что расплавляясь в плавильном котле Америки (этот концептуальный образ появляется и в романе И. Рам [7, с. 10]), человек зачастую теряет как свою индивидуальность, внутреннюю целостность, так и этническую идентичность, являющуюся частью культурного кода личности. Кроме того, гендерное неравенство в обществе, патриархальные законы жизни семьи часто лишают женщину ее самости, стирают «Я». Не случайно в романе И. Рам «Женщина – не мужчина» имя матери героини Исры в начальных главах даже не было упомянуто. Дальнейший ход повествования обнаруживает специфику имяназвания замужней палестинки: она теряет имя собственное и обозначается через своего старшего сына или, если у нее нет сыновей, через мужа («Умм Валид – мать Валида, Март Джамаль – жена Джамала» [7, с. 66]). Невидимость личности писательница подчеркивает и эпизодом сватовства, когда Дейа подает на подносе чай жениху и его родителям. Почувствовав на себе их взгляд, она подумала: «Что они видят? Тень человека, кружащую по комнате? Может, вообще ничего не видят – только поднос, который парит в воздухе и подплывает поочередно ко всем гостям, пока не опустеет чайник» [7, с. 38].

Однако некоторые изменения в мировоззрении героинь из 1990 и 2008 г. все-таки присутствуют: если Исра неизменно, неизбежность восточных обычаев воспринимала как норму, то Дейа понимает их несостоятельность, то, что они существуют только потому, что окружающие – родственники, «члены большой многопоколенной семьи, как принято у арабов» [7, с. 47], соотечественники – поддерживают их нерушимость. Право распоряжаться своей судьбой она воспринимает как «законное право», которое тем не менее в существующих условиях она «никогда не получит» [7, с. 38].

В изображении И. Рам жизнь современной палестинки, пусть и живущей в Америке, не слишком отличается от жизни на Востоке. Может быть, даже является еще более сложной: в стране, где американцы видят в беженцах «лишь отщепенцев, чужаков» [7, с. 70], приходится быть вдвойне осторожным, что еще более ограничивает и свободу действий, и свободу выбора.

Но и в Палестине, и в Америке неизменной осталась практика молчания и замалчивания того, что может ранить, доставить неудобство,

изменить традиционное – «правильное» – представление о человеке или целой нации.

Родители Дейи погибли, когда ей было восемь лет. Но даже спустя десятилетие после этой трагедии ей неизвестны все обстоятельства их смерти. Автор обращает внимание на то, как молчание влияет на мировосприятие человека: лишенная возможности узнать правду, желая «столько всего понять – о собственной семье, о мире, о себе» [7, с. 51], девушка стала много читать, изучая жизнь по книгам, выстраивая по ним свою идеальную картину мира, шедшую вразрез с традиционным восточным представлением о нем. Это усугубило ее конфликт с окружающими, явилось следствием поступков, которые казались не возможны для человека, следующего национальным устоям и нормам поведения арабов.

Замалчивание прошлого, событий детства, которые ребенок помнит смутно, а взрослые родственники о них не рассказывают, привели к тому, что, стремясь сделать «собственное детство цельным и понятным» [7, с. 55], героиня «перелицовывает» свою историю, добавляет к ней воспоминания, «лоскутки», которые были то ли реальностью, то ли вымыслом – так нарушается представление личности о самой себе, возникает ложная, сегментная идентичность, что обуславливает трагичность мироощущения человека. Именно такой мы видим героиню в нулевой («молчаливой») главе, задающей тон всему повествованию.

Молчание для героев романа становится едва ли не ведущим способом взаимодействия с социумом и друг с другом: результатом насилия мужа по отношению к жене стало тотальное нежелание женщины продолжать какое-либо общение с ним. Но и при отсутствии конфликта между супругами молчание становится фактом их жизни, поскольку мир женщины, ограниченный стенами дома, не дает ей возможности насыщения впечатлениями, эмоциями, тем, что может позволить чувствовать себя полноценным человеком: в одном из эпизодов муж упрекнул жену в том, что она все время молчит, причина этого молчания заключалась в однообразии жизни женщины, когда «она только и делает, что целыми днями готовит да прибирается... Ей и рассказать-то не о чем» [7, с. 150]. Молчание героини становится ответом на вопрос, который требует откровенности, и в то же время она сама из-за боязни разочароваться в ответе не спрашивает собеседника о том, что для нее значимо. К слову, в романе часто возникает парадоксальная ситуация, когда герои даже разговаривая друг с другом молчат, т. е. не говорят о том, что для них важно, либо не слышат друг друга, игнорируя

позицию собеседника (например, несмотря на все доводы сына, родители не позволили ему после колледжа заниматься семейным бизнесом, а заставили продолжить учебу, к которой у него не было интереса). К молчанию приводит страх персонажей высказать собственное мнение, в том числе идти против жизненных ориентиров старшего поколения.

Межкультурный диалог также заменен межкультурным молчанием, когда американцы как господствующая нация доминируют над переселенцами, в то время как выходцам из Латинской Америки, Ближнего Востока, итальянцам, русским, грекам, азиатам, по замечанию одного из персонажей, «приходится приспосабливаться – ничего другого нам не остается» [7, с. 70]. Эпизод, иллюстрирующий это расовое расслоение, связан с удивлением героини от контраста «американского» Манхэттена и преимущественно «неамериканского» Бруклина, начинающегося там, где улицы становятся «кривыми и извилистыми», а взгляд останавливается на «мертвой пробке» [7, с. 9–10] стоящих такси и людях, «с мрачным видом, прокладывающим себе путь сквозь толпу» [7, с. 62]. Этот образ района – своеобразного этнического анклава – и живущих в нем иммигрантов, составленный холодными красками, словно олицетворяет тот холод, который установился между переселенцами и американцами. Но обращает на себя внимание то, что в произведении нет сцен, изображающих прямое столкновение культур: неприятие мировоззрения, образа жизни «коренных» жителей США в большей степени показано через оптику палестинцев. Размышляя о своей жизни, одна из героинь, Фарида, замечает, что быть представителем восточного мира лучше, потому что это значит «твердо стоять на земле, знать свое место – а не жить, как американцы, в свободном плавании, без якоря, без моральных ценностей» [7, с. 139]. Когда дочь Фариды, рожденная в Америке, пытается получить согласие матери одной посетить магазин, она слышит упрек в том, что превращается в «паршивую американку» [7, с. 226].

Так молчание становится стеной, разъединяющей и людей, и поколения, и нации.

Заключение. Таким образом, феномен молчания в художественном мире романа «Женщина – не мужчина» обретает полифоничность. Название произведения наталкивает на то, что молчание в контексте романного действия соотносится, в первую очередь, с гендерной проблематикой. И. Рам создает убедительную картину неравноправия, когда построенное на позициях патриархата восточное общество лишает женщин возможности

профессиональной, личностной реализации, ограничивая их жизненное пространство исключительно рамками семьи. Поддерживаемое столетиями подобное социальное разделение привело к тому, что лишило женщин голоса, заставило их «молчать из-за стремления не замечать очевидного, стыда, страха, самоуничтожения» [7, с. 301] и воспринимать устоявшиеся традиции как незыблемые, разрушение которых приведет к разрушению основ самой жизни. В этом аспекте молчание становится своеобразной формой самосохранения женщины, способом ее согласия с несправедливым к ней миром.

Дуализм авторского понимания фразы «женщина – не мужчина» заключен в том, что И. Рам, признавая социальное подчинение женщины мужчине, утверждает приоритет ее внутренней силы: «Путь вверх в этом мире открыт только мужчинам – а женщина тащит его туда на своем горбу» [7, с. 92]. Примечательно, что в романе не представлено ни одной условно благополучной мужской судьбы – все мужские персонажи не сопротивляются предписанным установкам, живут не так, как хотят, а так, как установлено обычаями. В этой связи мужское молчание оказывается не менее трагично, чем женское.

Молчание в романе соотносится и с иными исследуемыми автором проблемами. К одной из них относится проблема одиночества личности в обществе. В мире культурного, этнического многоголосия может потеряться голос отдельного человека. Это приводит к феномену невидимости, когда образ «Я» обедняется, распадается на фрагменты. Герои романа, оказавшиеся в таком положении, теряют и связь с миром, и самих себя.

С молчанием сопряжены поднимаемые в романе вопросы межкультурной коммуникации, при этом отсутствие диалога между этносами связано не только с утверждаемым приоритетом национального большинства по отношению к меньшинству, но и с нежеланием представителей иных культур, в частности, палестинцев, принимать образ жизни страны, в которую они иммигрировали, даже если сами понимают всю деспотичность культуры сохранения «варварских традиций» [7, с. 127].

Однако высшим проявлением молчания, которое заполонило, казалось, весь мир, является молчание Бога. Появление этого мотива в романе подчеркивает трагизм существования человека, заявляет глобальную тему его богооставленности: «Хоть бы Бог наставил ее на правильный путь! В повисшей тишине Исла мысленно взывала к Нему – но Он молчал» [7, с. 307]. Это выводит содержание романа за рамки исследования проблем палестинцев

внутри своей общины и в иммиграции и соотносит его с магистральной темой мировой литературы XX–XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инг, С. Все, чего я не сказала / С. Инг ; [пер. с англ. А. Грызуновой]. – М. : Фантом Пресс, 2018. – 320 с.
2. Далчер, К. Голос / К. Далчер ; [пер. с англ. И. Тогоевой]. – М. : Эксмо, 2019. – 384 с.
3. Уилкерсон, Ш. Черный торт / Ш. Уилкерсон ; [пер. с англ. И. Иванченко]. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 416 с.
4. Гранкина, Е. В. Молчание как художественная доминанта романа Селесты Инг «Все, чего я не сказала» / Е. В. Гранкина // Весті БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Психологія. Філологія. – 2019. – № 1. – С. 78–84.
5. Гранкина, Е. В. Литературные реминисценции как способ создания картины мира в романе К. Далчер «Голос» / Е. В. Гранкина // Весті БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Психологія. Філологія. – 2023. – № 1. – С. 105–108.
6. Гранкина, Е. В. Образно-символическая система романа Ш. Уилкерсон «Черный торт» / Е. В. Гранкина // Весті БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Психологія. Філологія. – 2024. – № 2. – С. 127–131.
7. Рам, И. Женщина – не мужчина / И. Рам ; [пер. с англ. Д. Андреевой]. – М. : Синдбад, 2022. – 368 с.
8. Ханиш, К. Личное есть политическое / К. Ханиш // Феминистский образовательный альманах. Женщины в политике: новые подходы к политическому. – 2013. – Вып. 2. – С. 16–21.
9. Адичи, Ч. Н. Американха / Ч. Н. Адичи ; [пер. с англ. Ш. Мартыновой]. – М. : Фантом Пресс, 2018. – 640 с.

Таким образом, феномен молчания в романе Итаф Рам становится ключевым смыслообразующим конструктом.

REFERENCES

1. Ing, S. Vse, chego ya ne skazala / S. Ing ; [per. s angl. A. Gryzunovoj]. – M. : Fantom Press, 2018. – 320 s.
2. Dalcher, K. Golos / K. Dalcher ; [per. s angl. I. Togoevoj]. – M. : Eksmo, 2019. – 384 s.
3. Uilkerson, Sh. Chernyj tort / Sh. Uilkerson ; [per. s angl. I. Ivanchenko]. – SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. – 416 s.
4. Grankina, E. V. Molchanie kak hudozhestvennaya dominanta romana Selesty Ing «Vse, chego ya ne skazala» / E. V. Grankina // Vesci BDPU. Ser. 1. Pedagogika. Psihologiya. Filalogiya. – 2019. – № 1. – S. 78–84.
5. Grankina, E. V. Literaturnye reminiscencii kak sposob sozdaniya kartiny mira v romane K. Dalcher «Golos» / E. V. Grankina // Vesci BDPU. Ser. 1. Pedagogika. Psihologiya. Filalogiya. – 2023. – № 1. – S. 105–108.
6. Grankina, E. V. Obrazno-simvolicheskaya sistema romana Sh. Uilkerson «Chernyj tort» / E. V. Grankina // Vesci BDPU. Ser. 1. Pedagogika. Psihologiya. Filalogiya. – 2024. – № 2. – S. 127–131.
7. Ram, I. Zhenshchina – ne muzhchina / I. Ram ; [per. s angl. D. Andreevoj]. – M. : Sindbad, 2022. – 368 s.
8. Hanish, K. Lichnoe est' politicheskoe / K. Hanish // Feministskij obrazovatel'noj al'manah. Zhenshchiny v politike: novye podhody k politicheskomu. – 2013. – Vyp. 2. – S. 16–21.
9. Adichi, Ch. N. Amerikanha / Ch. N. Adichi ; [per. s angl. Sh. Martynovoj]. – M. : Fantom Press, 2018. – 640 s.